

СЕМЕЙНЫЕ КОНФЛИКТЫ В КУПЕЧЕСКИХ СЕМЬЯХ ОРЕНБУРГА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.: ЛЮБОВЬ И БИЗНЕС *

Распад брачных союзов в купеческих семействах как столичных, так и провинциальных российских городов во второй половине XIX — начале XX в., судя по данным источников, стал абсолютно обыденным явлением. Современники связывали этот процесс с ослаблением влияния государства и церкви на внутрисемейные отношения, а также с общей эмансипацией женского населения¹.

В историографии последних двух десятилетий исследователи семейной жизни российского купечества также подчеркивают, что изменение ритма жизни российского общества в пореформенную эпоху привело к освобождению женщины купеческого сословия из домашнего затворничества². Авторы, однако, отмечают, что инициаторами расторжения брака были преимущественно мужчины, имеющие при этом гораздо больше возможностей для внебрачных сексуальных связей, которым способствовали и наличие денег, и длительные поездки по торговым делам³. Тем не менее, последствия развода для купеческой женщины, признанной виновницей распада семьи, по-прежнему вели к «серьезному социальному прессингу, выразившемуся во внешнем проявлении по отношению к ней всеобщего презрения, в лишении привычных средств коммуникации»⁴.

Оренбург — столица обширной, глубоко провинциальной российской губернии, оказался в этом плане совершенно уникальной локацией. Здесь на протяжении всей второй половины XIX в. именно женщины в купеческих семьях начинали бракоразводные процессы, обвиняя своих мужей в многочисленных нарушениях супружеской верности⁵. Их не останавливали ни угроза разлуки с детьми, ни перспектива остаться без средств к существованию, ни последующее общественное порицание.

Причиной такого необычного поведения могла стать специфика местного городского общества, состоящего преимущественно из людей «пришлых», приехавших в город из разных мест, и не оформившегося в единый сплоченный организм. Родственники у многих коммерсантов остались на прежнем месте жительства, с соседями, в силу замкнутости семейной жизни, общение было ограничено, а сословная корпорация существовала исключительно за счет необходимости противостояния давлению государственных структур и реодоления неблагоприятных обстоятельств коммерческих практик. На первый план в этих условиях выходили личные, а не общественные, интересы, личное счастье, а не честь семьи.

* Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ № 17-31-00010/17 «Повседневная жизнь провинциальной горожанки в пореформенной России (на материалах Оренбургской губернии второй половины XIX века)».

В начале декабря 1895 г. в Оренбургскую духовную консисторию поступило прошение жены оренбургского купеческого сына Сергея Сергеевича Ванюшина Марии Степановны Ванюшиной (урожденной Деевой), в котором обосновывались причины, толкнувшие ее на расторжение брака. Семейный союз, зарегистрированный между 16-летней Марией и 20-летним Сергеем 7 октября 1884 г., поначалу мог считаться вполне удачным. «Первоначально семейная моя жизнь шла сравнительно хорошо», — указывала Мария Степановна. Однако по прошествии некоторого времени Сергей Ванюшин «предаваясь разгулу и пьянству, и войдя в близкие сношения с крестьянкой Самарской губернии Богоявленской волости Надеждою Николаевной Золотухиной, 18-ти лет, ... а затем с оренбургской мещанкой Фетиньей Михайловной Апаликовой», стал обращаться с женой «грубо и дерзко», так, что совместная жизнь супругов «сделалась невозможной»⁶.

Мария Степановна просила брак расторгнуть. На полагающееся в таких случаях пастырское увещание священника Покровской церкви Оренбурга Владимира Ясинского о том, чтобы женщина «оставила супружеское несогласие и оставалась бы навсегда в брачном союзе с мужем» Ванюшина ответила отказом. «Я не могу примириться с мужем моим и оставаться с ним в брачном союзе, — писала Мария Степановна, — потому что он, муж мой, нарушил святость брака прелюбодеянием и, предавшись распутству, стал жестоко обращаться со мной»⁷. Обвиняемый в прелюбодеянии Ванюшин, в свою очередь, указывал, что жена его «тяжело больна и находится не в здравом уме», в силу чего просил дело о расторжении брака прекратить, обещал примириться с женой и сохранить брачный союз⁸.

Следует сказать, что названное купеческое семейство располагалось далеко не на последних ступеньках социальной лестницы губернского центра. Сам Сергей Ванюшин работал вместе с Василием Христофоровичем Юровым, владельцем расположенного в Оренбурге одного из крупнейших в России мукомольных предприятий. Поручителями в браке были по жениху — оренбургский купец Александр Ефимович Ванюшин и временно оренбургский купеческий сын Иван Алексеевич Зарывнов (впоследствии — один из богатейших коммерсантов региона), а по невесте — оренбургские потомственные почетные граждане Петр Михайлович и Михаил Степанович Деевы⁹. Восприемниками дочери Ванюшиных Антонины, родившейся в 1886 г., стали оренбургский купец Василий Михайлович Деев и оренбургская купеческая жена Анна Алексеевна Деева¹⁰, а восприемниками дочери Ольги, родившейся в 1887 г. — Михаил Степанович Деев и оренбургская купеческая жена Елизавета Ивановна Ванюшина¹¹. Отец Марии Степановны — Степан Михайлович Деев (1812–1870), потомственный почетный гражданин, купец 1-й гильдии, в 1851–1863 гг. исполнял должность оренбургского городского головы, был весьма уважаемым в городе коммерсантом. Дядья — Василий, Петр, Федор Михайловичи обладали огромными капиталами и собственными земельными угодьями¹². При этом очевидно, что Ванюшины значительно уступали Деевым в своем финансовом и общественном положении. По словам одного из свидетелей, проходивших по делу, мещанина Михаила Федоровича Колокольцева, Сергей

Ванюшин распоряжался делами «всегда с разрешения жены, которой принадлежала фирма»¹³, что, по-видимому, и стало причиной долгого и тяжелого бракоразводного процесса.

На момент подачи прошения в консисторию супруги вместе уже не проживали. Мария Степановна жила в родительском доме, а Сергей Сергеевич, по разным сведениям, то ли «на арендованной мельнице близ дер. Платовки Покровской волости Оренбургского уезда»¹⁴, то ли в 1-й части города «в Бирусевой гостинице»¹⁵, то ли «в доме Богачева»¹⁶, то ли в 4-й части Оренбурга по ул. Ташкентской в доме Юрова¹⁷. В силу того, что здоровье Марии Степановны было подорвано постоянными переживаниями по поводу измен мужа, сама она участвовать в бракоразводном процессе не могла. В результатах медицинского освидетельствования 27-летней Ванюшиной действительно констатировались «малокровие и неврастения», ставшие следствием «неудачно сложившихся супружеских отношений, сильно ее огорчавших»¹⁸. От имени Ванюшиной во всех судебных слушаниях принимал участие ее поверенный, Андрей Андреевич Константинов.

Сергей Сергеевич попытался выдвинуть встречное обвинение в адрес жены, заявляя, что та состоит «в преступной и прелюбодейной связи» с вольно практикующим в Оренбурге врачом Павлом Петровичем Исаковым. Однако, «несмотря на столь безнравственное, низкое и даже преступное поведение жены», помня о том, что он связан с супругой «священным таинством брака», в котором рождены две дочери, Ванюшин не стал возбуждать против жены судебного преследования, «надеясь все-таки примириться с нею и не разрушать окончательно семейного ... очага»¹⁹.

О прелюбодейнии жены Ванюшин, якобы, узнал в феврале 1895 г., когда «стоя в дверях спальни» услышал ее «интимную беседу» с Исаковым. Потрясение «обманутого супруга» было настолько велико, что, по его словам, он «тогда упал замертво в обморок и когда очнулся, то думал, что умираю, и священник Любочестнов причастил меня Святых Таин»²⁰. Мария Степановна, опасаясь гнева мужа, тогда же, якобы, бежала от него и теперь, по его словам, пытается расторгнуть брак, чтобы иметь возможность выйти замуж за Исакова. Объективности ради следует отметить, что на медицинском свидетельстве, выданном врачебным отделом Оренбургской губернской управы после осмотра Ванюшиной, стоят подписи трех врачей, в том числе и «врача при Оренбургской мужской гимназии, Оренбургской казенной палате и Оренбургском губернском казначействе» П. Исакова. Так что обвиненный врач все же имел отношение к семейству Ванюшиных.

Поскольку обвинения в прелюбодейнии требовали свидетельских показаний «очевидцев», Ванюшина заявила свидетелями уже упомянутых Надежду Золотухину, Фетинью Апаликову и крестьянина деревни Аристовой Ферзиковской волости Калужской губернии Ивана Константиновича Чекина²¹. Чуть позже к ним добавился крестьянин с. Константинова Оренбургского уезда Яков Гордеев — бывший кучер Сергея Ванюшина, а также жители сел Верхняя Платовка и Нижняя Платовка Оренбургского уезда²². Ответчик, в свою очередь, заявил отвод указанных женой свидетелей, объясняя его тем, что

Золотухина и Апаликова — проститутки, а Чекин, как и другие свидетели, подкуплен истицей. Тем не менее, опрос свидетелей был произведен.

Надежда Золотухина (18-ти лет, неграмотная) по данным Санитарной комиссии по надзору за проституцией в г. Оренбурге и Форштадте (казачьем предместье Оренбурга), действительно значилась в перечне представительниц древнейшей профессии с 20 ноября 1895 г. по 6 июля 1896 г.²³ Однако на момент дачи свидетельских показаний она уже выбыла из этой когорты, что придавало ее показаниям больший вес. Следует также отметить, что примерно в 1898 г. Золотухина стала супругой бывшего оренбургского городского головы, статского советника Николая Акимовича Середы²⁴! Данное обстоятельство свидетельствует о значительной свободе нравов, царивших в глубоко провинциальной Оренбургской губернии на рубеже веков.

Золотухина при опросе показала, что действительно познакомилась с Ванюшиным в номерах оренбургской гостиницы «Москва», состояла в интимной связи с Ванюшиным, жила с ним на мельнице у деревни Платовки примерно четыре месяца, и тот выдавал ее за свою жену. До нее Ванюшин, который «с детства пьянствовал очень часто», жил с Феней Апаликовой²⁵.

Феоктиста Апаликова (22 года, неграмотная) подтвердила, что действительно познакомилась с Ванюшиным, как и ее подруга, в гостинице «Москва», и жила с ним какое-то время в незаконной связи²⁶. К слову сказать, гостиница «Москва» не упоминалась в официальных путеводителях по Оренбургу, а значит была одним из вариантов дешевых «номеров», сдаваемых либо очень ограниченным в средствах постояльцам, либо желающим организовать не вполне законную встречу.

Иван Чекин (26 лет, грамотный) показал, что Сергей Ванюшин являлся несколько раз в номера гостиницы «Москва» то с Золотухиной, то с Апаликовой, был «всегда выпимши», «заказывал кушанья, напитков и пр.»²⁷. Однако об отношениях между Ванюшиным и указанными девицами Чекин ничего определенного сказать не мог. Яков Гордеев добавил, что «Ванюшин состоял в любовной связи с Надеждой Золотухиной не постоянно, а в течении суток, на которые привезена была Золотухина из Оренбурга ... на мельницу» под видом жены. С мельницы Гордеев отвез Золотухину до Переволоцка, чтобы об этой его связи не узнала «его всегдашняя любовница, дочь буфетчицы на станции Платовка», с которой Ванюшин тоже частенько встречается²⁸.

Об этой связи с дочерью буфетчицы суду рассказал и другой свидетель — крестьянин Василий Григорьевич Цыганков (62 года, малограмотный). По его словам, примерно в 1898 г. содержательница буфетного стола на ст. Платовка Оренбургской ветки Евдокия Требунских обратилась к нему с просьбой вылечить ее 18-летнюю дочь Елизавету от «присухи». Елизавета влюбилась в Ванюшина, постоянно ездила к нему на мельницу. Сама Елизавета, как утверждал Цыганков, говорила, что «постоянно тоскует о Ванюшине и не может сдержаться, чтобы не видеть его хоть один день». Живя в дер. Нижняя Платовка, расположенной по дороге со ст. Платовка на мельницу Ванюшина, Цыганков не раз видел, как Елизавета поздним вечером пробиралась на мельницу или ранним утром возвращалась оттуда домой. По слухам,

упоминаемым Цыганковым, теперь «дочь буфетчицы Елизавета Требунских окончательно развратилась и вела распутную жизнь»²⁹.

Опрашиваемый в суде крестьянин дер. Нижняя Платовка Игнатий Григорьевич Сонин (57 лет, неграмотный), служивший на ст. Платовка грузчиком, часто возил со станции на своей подводе пассажиров. Ванюшин и Елизавета Требунских, по его словам, были его постоянными клиентами. Сонин возил их на мельницу или в с. Покровское, «где они гуляли по целым ночам»³⁰.

По поводу Сонины и Цыганкова Ванюшин заявил, что об их допросе он не ходатайствовал. В адрес же Якова Гордеева Сергей Сергеевич разразился эмоциональной речью, заявляя, что считает для себя «унизительным иметь что-либо с подобным субъектом», который за деньги покажет что угодно. Ванюшин утверждал, что год назад Гордеев точно также обвинял в прелюбодеянии Марию Степановну, предлагал подтвердить сей факт под присягой, избить соперника — Павла Исакова, за что просил 25 руб.³¹ В качестве свидетелей со своей стороны Ванюшин просил вызвать крестьян Степана Клементьевича Буренкина и Филиппа Никитича Митюкова.

На все обвинения в свой адрес Гордеев отвечал, что ничего плохого про Марию Степановну он никогда не говорил и «не просил с Ванюшина 25 руб. за избитие Исакова, с которым ... по его видимой силе вовсе и не совладать»³². Насчет заявленных Ванюшиным свидетелей Гордеев заявил, что Буренкин «служит у Ванюшина дворецким около 40 лет, он поступил еще к его родителям; это неизменный слуга Сергея Ванюшина и сопровождает его в его кутежах и поездках по девицам худого поведения — хотя он и старик и не принимает действительного участия во всем этом. А Митюков моложе и служит постоянным извозчиком Сергея Ванюшина, очень дружен с ним...»³³. Другие свидетели постоянно путались в показаниях, сначала заявляя, что их действительно просили дать показания против Ванюшина, обещая заплатить за это хорошие деньги, а затем утверждая, что ничего не знают³⁴.

Дело приобретало затяжной характер. Ответчик Ванюшин то не являлся на судебные заседания, ссылаясь на срочные дела, то требовал отвода свидетелей. Поскольку ведение дела продолжалось уже шестой год, им заинтересовалось Оренбургское губернское жандармское управление. В Оренбургскую духовную консисторию 6 марта 1901 г. было направлено секретное письмо, в котором полковник Ермаков просил консисторию разобраться в том, кто из супругов Ванюшиных первым возбудил иск о расторжении брака, кто предоставил более убедительные доказательства, чьи сведения были подтверждены свидетелями³⁵.

В октябре 1901 г. в консисторию поступило прошение поверенного Ванюшиной А. А. Константинова: «А между тем процесс все тянется и тянется, — писал он. — Ванюшина, ничем не запятнанная, вынуждена в течение почти семи лет выносить одна всю его тяжесть. А она ведь женщина больная, больная настолько, что трудно поручиться за ее жизнь. Она — мать взрослых дочерей-девиц... Ведь из-за неопределенности процесса страдают и ее дети. Кто их мать? Грязнит ли ее та грязь, которую на нее пытается вылить ее супруг? Эти вопросы тяжелым кошмаром стоят перед всеми, и только консистория своим

властным словом может рассеять его. Довольно!» В завершении прошения Константинов патетически взывал: «От имени исстрадавшейся, измучившейся жены и матери, от имени ее дочерей, детски доверчиво ждущих от духовных отцов слова правды и только правды, я ходатайствую: ... делопроизводство завершить»³⁶.

Март 1902 г. ознаменовался, наконец, решением консистории о расторжении брака Ванюшиных. По причине доказанного прелюбодеяния Ванюшина на него была наложена семилетняя епитимья, и впредь ему было навсегда запрещено вступать в новый брак. Золотухина и Апаликова были преданы четырехлетней епитимье каждая. Истица Мария Степановна Ванюшина «как первообрачная и имеющая еще молодые (34) лета» получила право вступить в новый брак³⁷.

Через три дня после вынесения данного решения Ванюшин подал в консисторию собственное прошение признать жену виновной в прелюбодеянии с правом жениться на другой. Сергей Сергеевич вновь пытался представить супругу в качестве аморальной личности, утверждая, что «при жизни еще со мной Исаков был ее любовником, но как врач незаметным ходом ходил якобы лечить жену, да и теперь семь лет живет с ней, иногда даже ночует у нее. Кроме того, ведет беспутную жизнь, пьянствует иногда с мужчинами, позволяет себе безобразие, загородные прогулки в пьяном виде. Семь лет я слышу от многих лиц о ее безнравственном поведении»³⁸. Учитывая, что Ванюшина все это время жила с матерью, сложно представить правдой все предъявленные ей обвинения. Видимо, не желая терпеть имущественные убытки, Ванюшин решил пойти ва-банк. В ответ консистория заявила, что, в соответствии со Сводом законов общих, присутственным местам, за исключением случаев, точно указанных в законе, «запрещается перевершивать собственные свои решения», а значит после принятия консисторией решения о расторжении брака сделать уже ничего нельзя.

Дело, длившееся почти семь лет, было, наконец, закрыто. За это время стороны утомили друг друга и все оренбургское общество подробными рассказами о своей личной жизни. Такая длительная тяжба в отношении дочери одного из богатейших и влиятельнейших предпринимателей Оренбурга может свидетельствовать лишь о том, что родственники участников бракоразводного процесса, видимо, совсем не вмешивались в ход судебного разбирательства. В посемейном списке оренбургских купцов на 1914 г. 46-летняя Мария Степановна Деева (бывшая Ванюшина) значилась находящейся в разводе и проживающей в семействе своего дяди Василия Михайловича Деева³⁹. Судя по этим сведениям она так и не вышла замуж, что еще раз подтверждает лживость всех обвинений, выдвинутых Ванюшиным в адрес морального облика супруги.

В итоге следует констатировать, что во второй половине XIX в. в провинциальном Оренбурге понятие «хороший семьянин» еще не вошло в перечень качеств, обязательных для надежного и солидного коммерсанта. Нарушение «святости брака» было весьма распространенным явлением в купеческой среде. Общество относилось к этому как к норме. Представительницы древнейшей профессии, принимавшие непосредственное участие в этих преступ-

лениях против церковных законов, судя по материалам, приведенным в статье, совсем не являлись париями и даже могли рассчитывать на выгодную брачную партию. Тем не менее, купеческие жены в губернской столице стали все активнее действовать против сложившейся практики. Удовлетворение их прошений о расторжении брака при дальнейшем ограничении брачных прав неверных супругов постепенно приобретало все более широкие масштабы. После развода именно бывшие мужья оказывались в максимально невыгодном положении, лишаясь не только семьи и детей, но и зачастую значительной части семейных капиталов, ранее принадлежавших жене. Это обстоятельство представляло собой яркую особенность семейной купеческой повседневности отдаленной юго-восточной российской провинции пореформенного периода.

Примечания

¹ *Сорокин П. А.* Кризис современной семьи: (Социол. очерк) // Ежемесячный журнал. Пг., 1916. № 2. Стб. 174–186; № 3. Стб. 159–172.

² *Меньшикова Е. Н.* Анализ «выдающихся черт» исторического облика женщины-купчихи провинциальной России в 60-90-е гг. XIX в.: (На примере купеческого семейства Гладковых из Курской губернии) // Женщина в российском обществе. 2012. № 2. С. 32.

³ *Гончаров Ю. М.* Внутрисемейные отношения в семьях провинциальных горожан второй половины XIX — начала XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2001. № 4. С. 23.

⁴ *Меньшикова Е. Н.* Семейные конфликты как один из факторов психоэмоциональной жизни купеческой семьи Центрального Черноземья в 60–90 гг. XIX века (на материалах Курской и Воронежской губерний) // Исторические науки. 2007. № 1. С. 30.

⁵ *Бурлуцкая Е. В.* Дегтяревы. Семейные драмы и конец фамильного дела // Купечество оренбургское: Сб. ст. Оренбург, 2016. С. 6–13; *Бурлуцкая Е. В., Шлеюк С. Г.* Мякинковы. Владельцы настоящего дворца // Там же. С. 46–55.

⁶ ГАОрО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 9023. Л. 1–1 об.

⁷ Там же. Л. 10–11.

⁸ Там же. Л. 12, 21.

⁹ Там же. Л. 3.

¹⁰ Там же. Оп. 16. Д. 557. Л. 92 об.–93.

¹¹ Там же. Д. 612. Л. 49 об.–50.

¹² *Бурлуцкая Е. В.* Деевы. Вековая династия оренбургских предпринимателей // Купечество оренбургское: Сб. ст. Оренбург, 2016. С. 13–23.

¹³ ГАОрО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 9023. Л. 100 об.

¹⁴ Там же. Л. 6.

¹⁵ Там же. Л. 8 об.

¹⁶ Там же. Л. 17 об.

¹⁷ Там же. Л. 119.

¹⁸ Там же. Л. 35–36.

¹⁹ Там же. Л. 18.

²⁰ Там же. Л. 50.

²¹ Там же. Л. 1 об.

²² Там же. Л. 51.

²³ Там же. Л. 209–209 об.

- ²⁴ ГАОрО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 9023. Л. 257.
²⁵ Там же. Л. 98 об.
²⁶ Там же. Л. 132–132 об.
²⁷ Там же. Л. 125–125 об.
²⁸ Там же. Л. 102 об.
²⁹ Там же. Л. 210–210 об.
³⁰ Там же. Л. 211.
³¹ Там же. Л. 119 об.
³² Там же. Л. 165–165 об.
³³ Там же. Л. 165 об.
³⁴ Там же. Л. 63–66.
³⁵ Там же. Л. 145–146.
³⁶ Там же. Л. 182 об.–183.
³⁷ Там же. Л. 235–235 об.
³⁸ Там же. Л. 237.
³⁹ Там же. Ф. 41. Оп. 1. Д. 424. Л. 2 об.–3.

К. А. Абдрахманов

**«АРИСТОКРАТКИ ГОСТИНОГО ДВОРА»:
ЖЕНЩИНЫ ВО ГЛАВЕ КУПЕЧЕСКИХ ДИНАСТИЙ
В ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX в. ***

Обращение к проблеме развития женского купеческого предпринимательства в пореформенной России является актуальным ввиду необходимости заполнить пробел в данном рода исследованиях. Профессиональная деятельность российского дореволюционного купечества оказала значительное влияние на экономическое развитие различных территорий страны, формирование архитектурного облика и благоустройство провинциальных городов. Конечно, гегемония коммерсантов-мужчин в промышленной модернизации всех регионов империи не вызывает сомнения, но женщины из купеческой среды также внесли вклад в капиталистическое преобразование России.

Что касается освещения этой темы в отечественной историографии, то следует отметить, что в дореволюционный и советский периоды ученые не занимались разработкой данного вопроса. Но, несмотря на свою «молодость», проблема женского предпринимательства в России второй половины XIX — начала XX в. получила весьма широкое освещение в постсоветское время. Причем современные авторы не сосредотачиваются исключительно на пореформенной эпохе, когда причастность женщин к торговле стала чуть ли не

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках реализации научного проекта № 17-31-00010 а1 «Повседневная жизнь провинциальной горожанки в пореформенной России (на материалах Оренбургской губернии второй половины XIX века)» (2017–2019).